

К обзору анатолийской преистории от конца палеолита до городских обществ (*Düring B. S. The prehistory of Asia Minor from complex hunter-gatherers to early urban societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 360 p.*)

Со второй половины XX в. Турция, как во времена Шлимана, является поставщиком важнейших археологических сенсаций, особенно что касается неолитической революции. Потому неудивительно, что один из исследователей памятников анатолийского неолита, Бледа С. Дюринг из Лейденского университета (Голландия), предпринял обзор анатолийской преистории от конца палеолита до городских цивилизаций. Книга «История Малой Азии: от сложных обществ охотников-собирателей до раннегородских» выпущена Кембриджским университетом Англии в 2011 г. Покрывается диапазон в 18 тысячелетий — с 20 тыс. до 3 тыс. до н. э. Хронология основывается на радиоуглеродной калиброванной. Проследиванием развития на этом большом протяжении книга отличается от других современных обзоров (Bachhuber 2009; Sagona and Zimansky 2009), а прежние обобщения устарели ввиду быстрого увеличения материала.

Дюринг принимает такую периодизацию для Малой Азии (табл. 5.1):

Ранний бронзовый век	3000–2000
Поздний халколит	4000–3000
Средний халколит	5500–4000
Ранний халколит	6000–5500
Поздний керамический неолит	6500–6000
Ранний керамический неолит	7000–6500
Бескерамический неолит	8500–000

Книга состоит из семи глав. В первой описывается природная среда Малой Азии за указанный период, во второй дается история археологического исследования Малой Азии, в третьей характеризуются охотники-собиратели эппалеолита и мезолита, что по Дюрингу охватывает время с 20 000 по 6000 лет до н. э. А далее идут две самые пространственные главы: четвертая — «Ранние крестьяне (т. е. земледельцы-скотоводы) южного плато (8500–6500 до н. э.)» и «Неолитическое расселение (6500–5500 до н. э.)». Завершают книгу две главы несколько меньшего объема: «Тысячелетия в середине (5500–3000 до н. э.)» и «Элиты и общинники» (3000–2000 до н. э.). Книга снабжена шестью десятками рисунков (в основном планы поселений, рисунки находок и очень выразительные карты) и семью таблицами (графические схемы).

Приступая к обзору, Дюринг полагал, что исследует мост между Азией и Европой, но завершая обзор, обнаружил, что здесь много совершенно самобытных черт, не имеющих параллелей нигде. Автор предупреждает читателя (с. 3), что не собирается отстаивать какую-либо определенную идею, а придерживается эклектизма, синтезируя факты.

Разумеется, обзор Дюринга интересен археологам и смежных специализаций, мне в том числе. Не занимаясь непосредственно памятниками Малой

Азии, я не решусь вдаваться в детальное обсуждение ряда проблем. Затрону лишь некоторые.

Дюринг выступает против понятия Чайлда «неолитическая революция». Он предпочитает говорить о «неолитизации», так как не видит быстрого и радикального переворота в образе жизни. И domestикация животных, и переход к культивированию растений и к оседлости проходили медленно и постепенно. Что ж, это имеет резон, потому как две революции Чайлда полвека дробились и умножались — революция вторичных продуктов Шеррата, революция рангов Флэннери и ряд других (общим числом их, кажется, уже восемь). Часто быстрота революции сопряжена с приходом нового населения, приносящего ее. Вероятно, пора рассматривать революции не общо, а как процессы. Вероятно, в каждом отдельном случае можно выявить, с какого момента новое состояние становится очевидным, но признаки этого всегда в большой мере условны.

Очень любопытны соображения Дюринга о поселении Ашикли Хёюк вблизи месторождений обсидиана. Этот предшественник Чаталхёюка принадлежит к докерамическому неолиту Центральной Анатолии, с домашними растениями и «протодомашними» животными — козами-овцами, стадными и прикармливаемыми. Поселение образует большие агломерации маленьких домиков, стыкующихся стенами, причем многие из них не имеют очагов. Видимо, полагает Дюринг, семья как правило пользовалась несколькими такими домиками. Домики подновлялись на том же месте, и культурный слой рос, создавая стратиграфическую последовательность. Погребения в разных позах и с разной ориентировкой — под полами жилищ (не всех, а примерно трети), причем они пробивали пол.

Улиц не было, и дверей в домиках тоже. Проникали в дом сверху, с крыши, там был вход. На крышах протекала и значительная часть жизни обитателей в жаркое время, так как в домах было слишком жарко. На Востоке и сейчас в жаркое время жизнь протекает во двориках и на крышах, а дворики в Ашикли не было (Дюринг не предполагает, что часть домиков могла не иметь крыши).

Для публичных собраний есть более крупные здания.

Неолит Малой Азии часто представляют как отпрыск неолита Ближнего Востока (Плодородного Полумесяца). Дюрингу это представляется недоказанным, так как каменные орудия Ашикли показывают преемственность с местным, а не ближневосточным палеолитом. Равно и архитектурные традиции.

Особенно интересны для меня соображения Дюринга насчет гипотезы Гамкрелидзе — Иванова и Ренфру — Белвуда о локализации прародины индоевропейцев в Малой Азии. Работы трех авторов, названных первыми, у нас широко известны, более современные работы Белвуда — нет (Bellwood 2001, 2005). Ренфру и Белвуд связывали распространение индоевропейцев с неолитизацией Европы в 7 тыс. до н. э. Если так, то ок. 8000 лет до н. э. население Малой Азии должно было говорить на праиндоевропейском языке. Но это как раз обитатели Ашикли Хёюк!

Это представляется Дюрингу несуразным. Во-первых, распространение языков не обязательно шло путем расселения всего народа — могли распространять язык и небольшие группы завоевателей или торговцев (распространение ряда позднейших индоевропейских языков не связано с крупными миграциями). Во-вторых, известно, что индоевропейские языки весьма поздно

вторглись на территорию Малой Азии (хеттский, лувийский, фригийский, армянский), а до них там были неиндоевропейские (хаттский, хурритский и др.). Наконец, считает Дюринг, для праиндоевропейского характерны понятия (конь, колесо, шерсть, игло и плуг), отражающие явления, которые зафиксированы не ранее 4 тыс. до н. э. Ничего этого у обитателей Ашикли нет. «Хотя происхождение групп, говорящих на хеттском языке и родственных языках — как лувийский и палайский — около 2000 г. в Анатолии остается загадкой», приходит к выводу Дюринг, от гипотезы Ренфру — Белвуда надо отказаться.

В основном суждения Дюринга представляются мне резонными, хотя о загадке хеттского языка у меня есть свои соображения (о них дальше).

В Чаталхёюке, где, в отличие от Ашикли, Бонджуклу и Пинарбаши, есть керамика, жилища устроены на тот же манер, но крупнее. Это четырехугольные дома, стоящие впритык друг у другу, со входом сверху, через крышу, которая, вероятно, была плоской. Между некоторыми домами есть свободное пространство (оно остается внутренним для агломераций), которое использовалось для сбрасывания мусора, пепла, испражнений и для содержания собак. Между агломерациями домов тоже были свободные пространства, как бы аллеи. Эти оставались чистыми.

В качестве иллюстрации помещен рисунок (4.10), на котором реконструирован внешний вид города. Изображены высокие дома, в несколько раз выше роста человека, один выше другого, крыши соединены лесенками. Мне представляется, что эта реконструкция навеяна двумя источниками. Один — это развалины глиняных стен домов, где ничего от крыш не обнаружено; другой — это изображения на фресках, где показана судьба мертвых: высокие башни для выставления трупов (пра-дахмы), на которые ведут лесенки. Соединение этих двух источников вряд ли правомерно. Они относятся к разным типам памятников.

Можно, конечно, предположить, что глиняные дома с плоскими обитаемыми крышами повлияли на образ дахмы, но, во-первых, башни (пра-дахмы), как видно по изображению в «святилище» E VIB/3 у Меллаарта (Mellaart 1967), не глиняные, а деревянные, а во-вторых, чтобы стервятники слетались, башни должны были стоять на отшибе, а не в поселении.

Как Ашикли, так и Чаталхёюк очень велики по сравнению с обычными неолитическими поселками этого времени, и исследователи полагают, что это результат собирания населения из небольших поселков для проживания вместе, в Чаталхёюке — возможно, из полусотни таких поселков. В Чаталхёюке они и представлены агломератами. Причину такого объединения Дюринг не находит в экономической или демографической сфере и ищет в каком-то социально-идеологическом факторе, неясно каком.

Распространение неолита за пределы Малой Азии — на Балканский полуостров — по Дюрингу началось не ранее 6500–6200 гг. до н. э. Он называет это второй неолитической революцией и причины ее видит не только и не столько в засухах, тогда распространившихся по широкому региону, сколько в социально-экономических изменениях в Анатолии. Именно в это время население Чаталхёюка переселяется с восточного холма на западный, мужские статуэтки исчезают, сменяясь женскими, и происходит еще ряд драматических изменений. Распадаются старые общины, дома тяготеют к свободным пространствам,

появляются улицы. Скот стал меньше размером — видимо, совершенно домашним. Это увеличило обеспеченность. Дома стали более автономными, поселение чуть меньше размером, видимо, у людей появилось стремление отделяться от сообщества. Свободные земли заполнились новыми поселениями, среди которых заметна иерархия. Ухудшение климата в таких условиях толкало на освоение новых территорий.

Дюринг считает, что в Турции халколитический период игнорировался из-за преобладания неоэволюционистской парадигмы, которая предпочитала концентрировать внимание на пороговых событиях — революциях неолитической и городской, а халколит располагался между такими порогами. Это привело к тому, что памятники того времени известны плохо, их раскопано мало. Но и у самого Дюринга халколитический период, хотя и заполнен памятниками, изложен как-то беспроблемно. Даже глава, посвященная ему, названа обтекаемо: «Тысячелетия в середине», т. е. между теми, которые являются основой для решения интересных проблем. Связей между Винчей и Малой Азией он не видит, то же и для Гумельницы.

Если памятников халколита раскапывалось 27 на тысячу лет, то памятников раннебронзового века — 163. Ранний бронзовый век Дюринг включает в свой обзор, поскольку это преистория — местные тексты появились только после 2000 г. до н. э. Хронология основана на Трое, но троянская хронология существовала во многих вариантах. Корфман и Кромер подсчитали в 1993 г. 14 разных схем троянской хронологии. Теперь, благодаря радиоуглеродной основе и новым раскопкам, хронология упорядочена. Периодизация и хронология обобщены Дюрингом в таблице 7.1:

Раннебронзовый III 2300–2000 Аладжа, Беджесултан, Алишар, Тарс, Троя III–II

Раннебронзовый II 2600–2300 Алишар, Бейджесултан, Кюль-Тепе, Караташ, Троя If–II

Раннебронзовый I 3000–2600 Бейджесултан, Демирчихёюк, Тарс, Троя If–e

В таблице памятников названо больше, но для рецензии достаточно назвать несколько для примера.

Из проблематики раннебронзового века я затрону только вопрос о нашествии индоевропейцев. Дюринг уверен, что прародина индоевропейцев находится в восточноевропейских степях, следуя гипотезе Вале — Чайлда — Гимбутас, которую ныне можно считать несостоятельной. Он напоминает о предложениях Меллаарта, который полагал, что лувийцы вторглись в конце Трои I, греки — в конце Трои IIg, а хетты — в конце Трои V, но затем, увидев, что эта дата слишком поздняя, привел хеттов раньше — через Кавказ. Упомянув и другие гипотезы, Дюринг отвергает их все.

Между тем, всё это гипотезы археологов-ориенталистов, которые базировались только на состоянии памятников Востока (включая Малую Азию). Загадку археологической идентификации хеттского языка я попытался разрешить, привлекая баденскую культуру (Клейн 2010: 81–96), но это выходит за пределы данной рецензии.

Литература

- Клейн Л. С.* 2010. Время кентавров: степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия.
- Vachhuber C.* 2009. Material and Landscape in Early Bronze Age Anatolia. London: Equinox.
- Bellwood P.* 2001. Early agricultural population diasporas? Farming, language and genes // ARA 30, 181–207.
- Bellwood P.* 2005. First Farmers: The Origins of Agricultural Societies. Oxford: Blackwell.
- Mellaart J.* 1967. Catal Hüyük: a Neolithic Town in Anatolia. London: Thames and Hudson.
- Sagona A., Zimansky P.* 2009. Ancient Turkey. London: Rutledge.